

«УТВЕРЖДАЮ»

и.о. ректора ФГБОУ ВО «Удмуртский

государственный университет»

доктор экономических наук, профессор

А.В. Овчинникова

«14» мая 2026 г.

ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Удмуртский государственный университет» о диссертации Марии Александровны Смоленской: «Ненадежная наррация как проблема теории повествования (на материале русской литературы XIX века)», представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук (специальность 5.9.3 – Теория литературы)

Диссертация Марии Александровны Смоленской обращена к едва ли не ключевой теоретической проблеме современной нарратологии – ненадежному нарратору. Вопреки кажущейся изученности проблемы, многие ее аспекты по-прежнему остаются вне исследовательского внимания, а часть доказанных тезисов требует корректировки и уточнения. Кроме того, сама нарратология как часть теории литературы уже имеет свою историю изучения как в западном, так и в отечественном литературоведении, что также требует осмысления. Именно с этим связана актуальность настоящей работы.

Марией Александровной Смоленской проведена огромная аналитическая работа, которая привела к значительным результатам, позволяющим, во-первых, систематизировать множество исследований, посвященных проблемам нарратологии; во-вторых, выявить маркеры ненадежной наррации; в-третьих, обнаружить основные тенденции ненадежной наррации в русской литературе XIX в. В диссертации также сделан ряд частных наблюдений над повествовательной структурой отдельных произведений, что вносит существенный вклад в практику анализа художественного текста.

Во Введении заявлена актуальность и новизна исследования, обозначены цели и задачи работы, названы методологические труды, важные для данной диссертации, перечислены основные положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Ненадежность нарратора как проблема теории повествования» состоит из трех параграфов. В первой части Марией Александровной систематизирован материал, связанный с разграничением таких терминов, как «имплицитный автор», «нарратор» и «фокализатор». Трудность подобной систематизации связана, с одной стороны, с диахроническим аспектом (на разных этапах развития литературоведческой мысли смысловое наполнение этих терминов различалась); с другой – наличием разных школ (отечественной и западной), внутри которых также существуют собственные различия терминов. Нужно сказать, что диссертант блестяще справился с этой непростой задачей. Обращаясь к теоретическим разработкам самых разных ученых (В. Виноградов, М. Бахтин, Б. Корман, В. Тюпа, У. Бут, В. Шмид, Б. Успенский и др.), Мария Александровна уточняет терминологию, одновременно показывая историю ее изучения. Наиболее значимым аспектом оказывается выявление «первичного автора» («имплицитного автора», «эстетического субъекта») и «вторичного автора» или «нарратора». Поскольку для понимания эстетического замысла важен ответ не только на вопрос «Кто говорит», но и «Кто видит?», то закономерна постановка вопроса о фокализации или точки зрения, заявленного в трудах Б. Успенского и В. Шмида и получившего дальнейшую детализацию в работах В. Тюпы. Во втором и третьем параграфе диссертант обращается к теоретическим аспектам ненадежной наррации и ее маркерам. Поскольку первым литературоведом, выдвинувшим термин «ненадежный нарратор» стал Уэйн Бут, то диссертант обстоятельно описывает теорию Бута, при этом иллюстрирует ее примерами из русской словесности. Одновременно выявлены лакуны в бутовской гипотезе, сделан справедливый вывод о необходимости более детальной разработки маркеров ненадежности, после чего следует описание когнитивных исследований Дж. Филана и Т. Якоби, во главе которых стоит вопрос о читательской рецепции. Обращаясь к диахроническому аспекту изучения ненадежной наррации, Мария Александровна показывает, как риторический подход сменяется когнитивным. Логическим завершением этой линии становятся труды А. Нюннига, в которых осуществлен синтез риторического и когнитивного подходов. Следует отметить, что в данной части работы не только систематизированы предшествующие исследования, но и предпринята попытка развить некоторые научные гипотезы. Так, отталкиваясь от бахтинского тезиса о «свидетеле и судьбе» в эстетическом событии, автор диссертационной работы предлагает следующую классификацию ненадежных

нарраторов: «ненадежный свидетель, но надежный судия; ненадежный свидетель и ненадежный интерпретатор; надежный свидетель, но пристрастный судия». Помимо этого, предложена еще одна точка зрения А.В. Ждановой, в работах которой имеется различие ненадежной наррации и ненадежной фокализации. Завершает первую главу параграф «Маркеры ненадежности нарратора». Анализируя маркеры, о которых говорится в исследованиях А. Нюннинга, С. Риммон-Кенана, Г. Жиличевой, Г. Олсона, В. Шмида, В. Тюпы, Н. Рымаря и др., диссертант делает вывод о необходимости уточнений в разных системах классификации. Реальная практика анализа художественного текста выявляет, что теория не всегда совпадает с реалиями художественного мира. Мария Александровна показывает различные случаи бытования ненадежного нарратора на примере произведений А. Чехова, В. Брюсова, Ф. Достоевского, Н. Гоголя, М. Осоргина, Л. Андреева. (Сделаем небольшое замечание, связанное с тем, что при всей стройности и продуманности структуры работы, в ней имеются некоторые логические нарушения, связанные с тем, что диссертант на протяжении работы периодически возвращается к анализу одних и тех же текстов, в результате чего возникают необоснованные повторы. Вместе с тем, заслуживает похвалы желание автора исследования расставить все точки над *i* и учесть все нюансы.) В конце третьего параграфа предложена еще одна классификация ненадежности, в основании которой лежат наработки самых разных ученых. Важно, что в эту классификацию включены маркеры, обычно находящиеся за пределами данной проблематики. Так, например, вслед за Е.В. Абрамовских говорится о разыгрывании «возможных сюжетов», моделирующих неопределенность текста. Еще одним примером ненадежной наррации является метанарративность, являющаяся, по мнению Е.Ю. Моисеевой, не столько игрой с «чужим словом», сколько признаком ненадежной наррации.

Во второй главе **«Типология ненадежного нарратора»** изменен ракурс исследования и осуществлен переход от изучения маркеров ненадежности к рассмотрению различных типологий ненадежных рассказчиков. Совершенно справедливо сказано о том, что типологии построены на разных основаниях, вследствие чего эти типологии несводимы друг к другу. В первом параграфе «Подходы к построению типологий ненадежного нарратора» привлекаются такие имена, как У. Ригган, С. Риммон-Кенан, С. Чэтмен, Д. Филан, М. Мартин, Д. Шэнь, П. Хансен, А. Ласточкина, Д. Коробова, Г. Жиличева. Некоторая реферативность этой (как, впрочем, и предшествующей) части работы никак не связана со вторичностью диссертации Марии Александровны. Перед нами очень значимое исследование, в котором автор обобщает огромный материал и выявляет проблемное поле для дальнейшего движения

филологической мысли. В последующих параграфах заявлена собственная типология, основанная на взглядах М. Бахтина («Ненадежность нарратора относительно реферативного события») и В. Тюпы («Ненадежность нарратора относительно коммуникативного события»). Опираясь на теоретические положения этих ученых, диссертант иллюстрирует теоретические тезисы, тем самым доказывая их жизнеспособность в практике анализа художественного текста. На примере произведений А. Чехова «Драма на охоте» и «Марья Ивановна», Ф. Достоевского «Бедные люди», Л. Толстого «Как дядя Семен рассказывал, что с ним в лесу было» и «Сон молодого царя» показаны различные типы ненадежной наррации, связанные с трансформацией реферативного плана. Третий параграф характеризуется этой же логикой изложения — через привлечение произведений А. Пушкина, М. Лермонтова, Л. Толстого, М. Осоргина, В. Брюсова, С. Соколова, П. Санаева Мария Александровна выявляет возможные трансформации «события рассказывания». Предложенная типология более чем убедительна, однако наше замечание связано с расширением хронологических рамок работы — в названии заявлен классический период русской литературы, в то время как в самом исследовании его автор часто обращается к примерам из XX в. и даже XXI в. Вторая глава завершается размышлениями о формах ненадежной фокализации, ведущей к крайней трансформации событийности. Последняя часть второй главы развивает идеи В. Шмида, подтверждая их примерами из истории русской словесности (Л. Толстой, Л. Андреев, Ф. Достоевский).

Третья глава диссертационной работы **«Ненадежная наррация в структуре художественного целого»** обращена к практике анализа. В заявленном аспекте закономерно обращение к прозе А. Пушкина, в творчестве которого, по мнению В. Тюпы, впервые появляется фигура ненадежного нарратора. (В скобках позволим себе оспорить данное предположение, в качестве возможного примера приведем повесть Н. Карамзина «Остров Борнгольм», где присутствует ненадежность относительно реферативного плана и где автор играет с горизонтом читательских ожиданий. Однако, согласимся, именно Пушкин выявил жизнеспособность подобной эстетической структуры). В аспекте нарратологии развернут анализ пушкинских текстов, к которым не так часто обращаются исследователи («Роман в письмах», «Участь моя решена. Я женюсь...»), а также внесены уточнения в понимание произведений, неоднократно привлекавших филологическую науку («Повести покойного Ивана Петровича Белкина» и «История села Горюхино»). Сделан верный вывод о том, что ненадежность становится принципом пушкинского повествования и проявлением вероятностной картины мира. Во втором параграфе привлечен роман М. Лермонтова «Герой нашего времени», систематизированы

исследования, посвященные нарративной структуре данного романа (В. Шмид, В. Тюпа, М. Дрозда, А. Ранчин, В. Кривонос и др.). Развивая наблюдения над тестом, сделанные предшественниками, Мария Александровна делает ряд ценных замечаний, например, о многоступенчатом нарративном завершении: первое эстетическое завершение принадлежит Печорину (Журнал Печорина), второе – странствующему офицеру (Предисловие к журналу Печорина), третье – имплицитному автору. Мария Александровна напрямую связывает этот способ организации повествовательной структуры текста с «Повестями покойного Ивана Петровича Белкина». Вместе с тем, принцип ненадежной наррации и многоступенчатое нарративное завершение в русской литературе 1830-х гг. явление не единичное. Почти параллельно пушкинским повестям выходят «Вечера на хуторе близ Диканьки», где данные принципы еще более проявлены (издатель Рудый Панько, словесный агон Фомы Григорьевича и Фомы Назаровича, система вторичных рассказчиков, предание-молва и т.д.). Представляется, что генезис гоголевской повести восходит не только к пушкинским открытиям, речь идет об эпохальной оптике, отказавшейся от единственно верной точки зрения на мир. Третий параграф («Ненадежная наррация в эгонарративе») начинается с анализа гоголевского текста – повести «Записки сумасшедшего». Поприщин выступает в роли «ненадежного свидетеля и ненадежного судии». Диссертант обнаруживает маркеры ненадежной наррации и фокализации, связывая их с прогрессирующим безумием героя. В дальнейшем гоголевские открытия подхватывает Ф. Достоевский в «Записках из подполья», где особенности нарративной структуры обусловлены паратекстуальными элементами. Логическое завершение «дискурса безумия» – рассказ Л. Толстого «Записки сумасшедшего». В дальнейшем эта линия имеет продолжение в литературе XX в. (Л. Андреев «Мысль», В. Брюсов «Теперь, когда я проснулся...»). Отметим блестящий развернутый анализ андреевского рассказа, выходящий за хронологические рамки диссертационной работы, но, безусловно, украшающий ее. Четвертый параграф посвящен чеховскому повествованию, рассматриваемому в аспекте неоклассической парадигмы художественности. Объект исследовательского внимания здесь – ранняя повесть Чехова «Драма на охоте», в которой диссертант обнаруживает многоступенчатую нарративную структуру и где паратекстуальность становится маркером ненадежности. В ходе анализа сделаны точные и интересные наблюдения над текстом, позволяющие, с одной стороны, углубить понимание ранней чеховской повести, с другой – обозначить ее место в развитии русской словесности на переходе от классической к неоклассической парадигме. Наконец, в последнем, завершающем параграфе третьей главы на примере символистской прозы В. Брюсова, «Записок покойника» М. Булгакова и произведений М. Осоргина выявлены

новые нарративные стратегии, характеризующие неоклассическую парадигму. Логика третьей главы прозрачна и понятна, однако повторим свое замечание о нецелесообразности расширения материала и выхода за пределы обозначенного в названии диссертации хронологического периода.

В **Заключении** корректно, репрезентативно и системно обобщены основные положения исследования.

По ходу чтения вопроса возник следующий ряд вопросов, ответы на которые хотелось бы услышать на защите.

1. Вслед за В. Тюпой диссертант полагает, что ненадежная наррация возникает в прозе А. Пушкина. Выше мы уже оспорили это мнение, но вопрос связан не столько с конкретными текстами-предшественниками, сколько с глубинными причинами появления подобного рода нарративов. Как полагает автор работы, на каком этапе литературного развития они появляются? Не связано ли это отчасти с публикацией «Исповеди» Руссо и исповедальным дискурсом, для которого едва ли не главной становится проблема соотношения нарратива и реферативного плана? Или можно назвать другие возможные причины?
2. Как соотносится проблема «ненадежного нарратора» с авторской игрой с читателем, в основании которой всегда лежат умолчания или подмены?
3. Какими принципами руководствовался диссертант при отборе текстов, иллюстрирующих теоретические положения? Например, Гоголь представлен главным образом «Записками сумасшедшего», в то время как все гоголевское творчество может служить прекрасной иллюстрацией ненадежной наррации, вершиной которой является повесть «Нос». Равным образом, для диссертации отобраны незавершенные произведения А. Пушкина, а также «Повести покойного Ивана Петровича Белкина» и «История села Горюхина», но ненадежный нарратор проглядывает и в «Пиковой даме», и в «Капитанской дочке». То же самое можно сказать и о прозе Ф. Достоевского, Л. Толстого, А. Чехова.

Итак, диссертация М. А. Смоленской является завершенным системным научным исследованием, его актуальность, научная новизна и практическая значимость не вызывают сомнений. Следует также отметить профессиональную зрелость автора, его способность анализировать сложнейшие теоретические проблемы, видеть дальнейшие перспективы развития филологической мысли. Исследование обнаруживает тонкие исследовательские интуиции, позволяющие диссертанту выявлять смыслы, не видимые прежде. В ходе чтения квалификационной работы возникали вопросы, но все они заданы

исключительно в русле научной полемики и не опровергают выводов диссертации. Замечания носят частный характер и не связаны с общей положительной оценкой работы.

Автореферат и публикации по теме диссертации, в том числе в ведущих рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки, в полной мере отражают ее содержание и основные положения, выносимые на защиту. Диссертация прошла необходимую апробацию на межвузовских, всероссийских и международных конференциях.

Диссертация Марии Александровны Смоленской: «Ненадежная наррация как проблема теории повествования (на материале русской литературы XIX века)», представленная на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.3 – Теория литературы (Филологические науки), соответствует требованиям, установленным пп. 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней» (утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 г. № 842, в редакции от 18.03.2023), а ее автор, Мария Александровна Смоленская, заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.3 Теория литературы (Филологические науки).

Текст отзыва составлен доктором филологических наук, профессором кафедры истории русской литературы и теории литературы Института языка и литературы ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» Зверевой Татьяной Вячеславовной.

Отзыв обсужден и утвержден на заседании кафедры истории русской литературы и теории литературы Института языка и литературы ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» (протокол № от 11.05.2026).

Зав кафедрой кафедры истории
русской литературы и теории литературы,
кандидат филологических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

Подпись
заверяю

Рубцова

Рубцовой Н.С.

Рубцова Наталья Сергеевна

14 мая 2026 г.

Косишкова В.Г.
Косишкова

Сведения об организации

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Удмуртский государственный университет»

Почтовый адрес организации: РФ, Удмуртия, 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1.

Официальный сайт организации: udsu.ru

Адрес электронной почты: rector@udsu.ru
Телефон: 8 (3412) 68-16-10

Даю согласие на обработку персональных данных

Рубцова

Рубцова Н.С.